

С.М. Устинов

**Записки начальника
контрразведки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.М. Устинов**
Записки начальника контрразведки / С.М. Устинов – М.: Книга по Требованию,
2014. – 148 с.

ISBN 978-5-458-55650-7

В своей книге Устинов, помимо автобиографических воспоминаний характеризует политическую и военную борьбу на юге Украины в 1918-1920 гг., дает картину Добровольческой армии изнутри.

ISBN 978-5-458-55650-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

свою жизнь за царя и Отечество. Я тоже русский, я тоже гордъ!

О, овятыя чувства! Благіе порывы!

Я пошелъ на Историческій бульваръ и долго бродилъ среди безмолвныхъ памятниковъ великой эпохи. Предо мною тянулись разрушенные бастіоны, остатки прежнихъ бойницъ. Здѣсь тысячи русскихъ сыновъ, защищая отечество, нашли славную смерть. Мнѣ казалось, что я вижу этихъ героевъ, вижу ихъ подвиги, такъ возвеличившіе Россію! Они умѣли умереть и знали, за что умирали!

Меня потянуло къ памятнику Нахимова. Мнѣ хотѣлось еще разъ посмотрѣть на этого героя, воплотившаго въ себѣ неустрашимость и безграничную любовь и преданность родинѣ. Я долго съ восторгомъ смотрѣлъ на гордую его статую, которая, казалось, затаила въ себѣ духъ бессмертнаго героя. Великій герой!

И опять неудержимо потянуло меня туда, куда шли тысячи русскихъ, туда, куда звалъ меня мой долгъ, пойти съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою родину, исполнить то, что надлежало всякому гражданину великой державы-Россіи!

И только иногда, вдругъ, какъ порывъ вѣтра, словно нечаянно сорвавшійся съ ближайшей скалы, на меня налетало минутное сомнѣніе: какъ, оставить все, все, чѣмъ жилъ до сихъ поръ? Пренебречь своимъ покоемъ, комфортомъ, удовольствіями, обезличить себя, отдать свою волю, независимость и стать безмолвной пѣшкой, атомомъ великаго и необъятнаго, одной единицей миллионной арміи. Поборотъ свою гордость и съ христіанскимъ смиреніемъ переносить обиды, несправедливость и даже оскорбленія. Смогу ли я вынести крестъ такихъ тяжелыхъ испытаній. Не возмутится ли мой духъ и не замучатъ ли раскаянія. Не погублю ли я напрасно свою жизнь? Нѣтъ, лю-

бовь къ родицѣ, вѣра въ Россію, сознаніе долга и готовность къ самопожертвованію побѣждаютъ животное чувство страха и себялюбія. Высокія чувства разсѣиваютъ сомнѣнія. Духъ торжествуетъ надъ низкими инстинктами животнаго эгоизма и окончательно укрѣпляетъ созрѣвшее рѣшеніе. Кончено. Я иду на фронтъ.

Тихо, но явственно пробили въ тиши склянки.

На минуту все словно замерло въ торжественной тишинѣ и вдругъ тысячи голосовъ заплѣли вечернюю молитву. Пѣли далеко, на томъ берегу бухты, во флотскомъ экипажѣ, но слышно было каждое слово Молитвы Господней.

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! Да святится имя Твое . . . да будетъ воля Твоя! . . .

Я поднялъ взоръ къ небу и съ глубокимъ чувствомъ вѣры повторилъ слова молитвы: „Да будетъ воля Твоя! Да будетъ воля Твоя!“ И вдругъ слезы какого-то новаго, неизвѣданнаго блаженства хлынули изъ глазъ и такъ хорошо, такъ легко стало на душѣ. Да будетъ воля Твоя!

Рано утромъ, послѣ почти бессонной ночи, но бодрый и веселый, я былъ уже у воинскаго начальника. Весьма милый и обходительный полковникъ любезно принялъ меня въ своемъ кабинетѣ и, видимо, былъ очень удивленъ, узнавъ о цѣли моего посѣщенія. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что я, нотаріусъ, человѣкъ съ независимымъ положеніемъ и освобожденный отъ воинской повинности, серьезно хочу идти добровольцемъ въ качествѣ простаго солдата. Онъ старался разубѣдить меня въ моемъ недостаточно, по его мнѣнію, продуманномъ рѣшеніи, предупреждая меня о всей трудности военной службы и безвозвратности разъ принятаго рѣшенія. Я заявилъ ему, что я все знаю, все обдумалъ, но что иначе поступить не могу.

Полковникъ очень долго распрашивалъ меня о

моей жизни, какъ бы желая ближе познакомиться со мной и понять причины, заставившія меня принять такое рѣшеніе. Ему все казалось невозможнымъ объяснить его просто однимъ моимъ желаніемъ. Онъ съ грустью проводилъ меня до выхода, съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку, и въ его глазахъ я прочелъ столько расположенія, что я еще болѣе убѣдился въ правотѣ своего рѣшенія. Его сочувствіе тронуло меня, но не смутило.

Цѣлый день я чувствовалъ себя удивительно бодро, но странно . . . я боялся признаться даже своимъ друзьямъ въ томъ, что я завтра буду простымъ солдатомъ . . .

Вечеръ я провелъ въ гостяхъ шумно и весело, но мнѣ казалось, что я присутствую на собственныхъ похоронахъ. Что подумаютъ всѣ, когда узнаютъ, что я простой солдатъ. Не положитъ ли это между нами непреодолимая преграда. Будутъ ли меня также принимать, не отшатнется ли отъ меня общество, узнаютъ ли меня эти господа въ солдатской шинели. Какія разочарованія меня ждутъ? Какъ откроются мои глаза на всю фальшь человѣческихъ отношеній. Я многое уже понималъ и предвидѣлъ.

На другой день въ 6 ч. утра я долженъ былъ быть у воинскаго начальника, чтобы получить предписаніе и литеръ на проѣздъ въ Симферополь въ пѣхотный запасной полкъ. Я одѣлся какъ можно проще, въ высокіе сапоги, въ рубашку съ кушакомъ и старое пальто, чтобы, по возможности, не выдѣляться изъ толпы, въ которую я вливался. Я ограничился самымъ незначительнымъ багажемъ, рѣшивъ отказаться отъ многихъ своихъ буржуазныхъ привычекъ, чтобы скорѣе привыкнуть къ условіямъ новой жизни и къ ея лишеніямъ.

Въ темной задней комнатѣ воинскаго начальника, кромѣ меня, собралось еще пять человѣкъ, также

отправляемыхъ въ запасный полкъ. Мы всё ждали молча уже болѣе часа, даже не думая спросить, долго ли намъ еще ждать. Да и смѣли ли мы спрашивать, волноваться, просить. Не все ли равно? За насъ должны были думать и беспокоиться другіе. Послѣ полной свободы, которой я всегда пользовался, и связанной съ ней отвѣтственностью, было какъ-то даже спокойнѣе на душѣ отъ сознанія, что съ лишеніемъ свободной воли съ меня спала и часть отвѣтственности и что вся моя жизнь уже болѣе не зависѣла отъ меня, а будетъ идти по опредѣленной колѣѣ, изъ которой трудно вывихнуться.

Наконецъ, вышелъ писарь и сдѣлалъ перекличку. Всѣ оказались налицо. Писарь забралъ ворохъ приготовленныхъ документовъ и понесъ ихъ воинскому начальнику. Я понялъ, что сейчасъ будетъ подписанъ мой приговоръ, окончательный рѣшающій мою жизнь. Дѣйствительно, скоро вышелъ воинскій начальникъ.

Устиновъ! выкрикнулъ онъ, принимая изъ пачки документовъ одинъ и протягивая его мнѣ. — Будешь за старшаго. Вотъ предписаніе и литеръ на 6 чело-вѣкъ. Отправишься съ девятичасовымъ поѣздомъ въ Симферополь и явишься вмѣстѣ со всѣми въ Штабъ 33 запаснаго полка.

Онъ нѣкоторое время задержался, какъ бы не зная, что еще сказать. Затѣмъ, стараясь не встрѣчаться съ моимъ взглядомъ, какъ-то нерѣшительно добавилъ: „Ну, съ Богомъ!“ и быстро вышелъ.

Обращеніе ко мнѣ на „ты“ человѣка, который еще вчера былъ такъ изысканно вѣжливъ со мною, было какъ бы боевое мое крещеніе. Мнѣ было какъ-то странно, но я не нашелъ въ этомъ ничего оскорбительнаго. Я понималъ, что воинскій начальникъ, быть можетъ, умышленно былъ со мной болѣе официальнымъ, чѣмъ это было нужно, желая сразу же показать мнѣ всю суровость военной дисциплины, не

вѣдающей исключеній. Это былъ своего рода тактъ, выработанный долгой военной службой. Для воинскаго начальника и былъ уже не нотаріусъ, я сталъ въ его глазахъ номеромъ въ рядѣ милліоновъ другихъ такихъ же номеровъ. И такъ, конечно, было для меня лучше, такъ какъ положеніе мое въ ротѣ среди солдатъ, какъ нотаріуса, было бы нелѣпно и крайне стѣснительно. Я сталъ солдатомъ и, конечно, могъ требовать къ себѣ только того законнаго отношенія къ солдату, какъ предусмотрѣно это въ воинскомъ уставѣ.

Я попалъ въ 3-ю роту 33 запаснаго пѣхотнаго полка. Наша рота была помѣщена на окраинѣ города на фабрикѣ Абрикосова. Весь громадный фабричный флигель былъ отведенъ подъ казармы. Я явился въ ротную канцелярію въ то время, когда рота находилась на занятіяхъ. Изъ разговоровъ съ писаремъ въ ожиданіи прихода ротнаго командира я узналъ, что ротный командиръ — поручикъ И — очень хорошій человекъ и что вообще въ ротѣ народъ все хорошій. Рота получила уже названіе маршевой, такъ какъ закончила свою шестинедѣльную подготовку и въ скоромъ времени отправляется на фронтъ.

Скоро я услышалъ ротное пѣніе съ выкриками и присвистомъ. У меня забилося сердце. Рота вошла во дворъ, выстроилась и затѣмъ по командѣ разошлась по двору и по казармамъ. Канцелярія наполнилась пришедшими взводными, фельдфебелемъ и солдатами, получающими различныя распоряженія. Наконецъ, пришелъ и ротный командиръ. Разспросивъ меня и узнавъ, что я нотаріусъ и поступилъ добровольцемъ, онъ, видимо, очень удивился. Онъ нѣсколько разъ повторилъ: „Какъ же вы это такъ рѣшили? Вѣдь вамъ будетъ тяжело!“

По его распоряженію фельдфебель тотчасъ же повелъ меня къ капитанармусу, который и обмунди-

роваль меня съ ногъ до головы во все солдатское. Все было немного длинно и широко, но въ общемъ все чистое и новое и носить было можно. Только сапогъ не нашлось на мою ногу и мнѣ пришлось остаться въ своихъ. Затѣмъ взводный предложилъ мнѣ занять любую свободную койку и, если хочу, отдохнуть.

„А завтра уже пойдешь на ученье“ — добавилъ онъ.

И ротный, и фельдфебель, и взводный — все показались мнѣ очень славными. Все, видимо, старались меня „успокоить“, хотя я вовсе не мучился, а чувствовалъ себя прекрасно. Обѣдалъ я вмѣстѣ со всеми. Я боялся, что мнѣ придется ѣсть изъ общей посуды и не зная — сумѣю ли преодолѣть врожденную мнѣ брезгливость, но къ счастью, каждый имѣлъ свою жестяную чашку и свою ложку. Борщъ съ саломъ и перловая каша, быть можетъ, потому, что я былъ голоденъ, показались мнѣ очень вкусными и я вполне успокоился. Вообще, чѣмъ болѣе я привыкала къ новой обстановкѣ, тѣмъ болѣе все казалось мнѣ не такимъ ужаснымъ, какъ я представлялъ себя. Служба была тяжелая и жизнь не сладкая, но я сразу же понялъ, что если забрать себя въ руки и точно и строго исполнять съ надлежащей добросовѣстностью все требованія службы и военной дисциплины, служить не за страхъ, а за совѣсть, съ полнымъ сознаниемъ своего долга, то ничего ужаснаго въ военной службѣ нѣтъ. Я оправдывалъ и чрезмѣрную строгость и суровыя наказанія. Я понялъ, что безъ этого не можетъ быть арміи. Чтобы заставить людей по одному приказанію идти въ бой — нужно было ихъ сначала провести черезъ суровую школу. Раньше, совершенно не понимая военной службы, я обо всемъ имѣлъ совершенно превратное мнѣніе.

Послѣ обѣденнаго перерыва и отдыха рота вновь выстроилась идти на занятія. Взводный разрѣшилъ мнѣ не идти, но я такъ хотѣлъ скорѣе сдѣлаться настоящимъ солдатомъ, войти въ общую жизнь роты, что самъ просилъ разрѣшенія встать вмѣстѣ со всѣми. Мнѣ страшно хотѣлось скорѣе получить винтовку. Взводный, давая мнѣ ее и видя мое торжество и гордость, съ которой я овладѣлъ тяжелой русской винтовкой, съ улыбкой замѣтилъ: „еще успеешь надобсть.“ Но онъ ошибся. Я сразу же полюбилъ „свою“ винтовку. Я ознакомился съ ней во всѣхъ ея деталяхъ и мнѣ не надо было заучивать ея номеръ 237659. Я запомнилъ его на всю жизнь. Эту винтовку я носилъ пять мѣсяцевъ и сдалъ ее только въ день выхода въ прапорщики, когда вмѣсто нея я получилъ право надѣть офицерскую шашку.

Я бодро стоялъ въ строю и легко поддерживалъ винтовку. Но, пройдя нѣсколько шаговъ, я почувствовалъ всю ея тяжесть и моя рука начала нѣмѣть. Мы занимались недалеко отъ казармы, но на высокомъ холмѣ, и я едва преодолѣлъ его крутизну, стараясь не потерять равновѣсія и не опустить винтовки. Но на все — привычка. Послѣ я уже безъ всякихъ затрудненій легко подымался на тотъ же холмъ и проходилъ по 15—20 верстѣ, не уставая.

Такъ какъ рота уже закончила полный курсъ обученія и только повторяла различныя упражненія, то первое время я занимался отдѣльно съ унтеръ-офицеромъ. Это было самое тяжелое. Повороты я усвоилъ скоро и это было легко, но дѣлать ружейные приемы точно, красиво, а главное легко, мнѣ не удавалось. Винтовка, такъ легко и плавно ходившая въ рукахъ унтеръ-офицера, дѣлалась тяжелымъ и неповоротливымъ бревномъ, когда я брался за нее. Я старался изъ всѣхъ силъ, и потъ градомъ лилъ съ меня, но выходило плохо.

„Ну, отдохните малость“, говорилъ унтеръ-офицеръ. „Помаленьку приобыкнете.“

И дѣйствительно, по-маленьку, „приобыкъ“. Зато какъ приятно было по окончаніи ученія подь веселую удалую пѣсню спускаться внизъ съ холма и идти на отдыхъ въ казарму. На душѣ было весело отъ сознанія, что ты добросовѣстно потрудился и имѣешь право на заслуженный отдыхъ. И съ какимъ апетитомъ я ѣлъ тотъ же борщъ съ громадной краюхой настоящаго солдатскаго чернаго хлѣба.

Вечеромъ послѣ переклички рота выстроилась на молитву. По командѣ всѣ сняли фуражки и тихо, стройно, благоговѣйно спѣли молитвы. И я, такъ рѣдко вообще молившійся, даже въ храмѣ не будучи въ силахъ сосредоточиться, здѣсь горячо молился, чтобы Богъ помогъ мнѣ добросовѣстно исполнить свой долгъ честнаго солдата передъ Царемъ и Отечествомъ.

Неужели эта молитва, эти чувства, восторгъ и слезы могли быть когда-нибудь забыты или кѣмъ-нибудь осмѣяны. Неужели любовь къ родинѣ и Царю, носителю идеи великой монархіи, могли быть оскорблены, подавлены грязнымъ сапогомъ шантажистовъ революціи, поднявшихъ свою подлую руку на великую державу, на великую ея армию, исторгнувшихъ изъ нея все лучшее и превратившихъ ее въ разнузданную банду богоотступниковъ, грабителей и убійць?!

Рота разошлась на покой. Тихо и грустно въ полумракѣ казармы. Усталые солдаты укладываются на своихъ койкахъ и только кое-гдѣ слышенъ разговоръ шепотомъ. Послѣ всѣхъ перелитыхъ волненій, новыхъ впечатлѣній и думъ, я долго не могъ заснуть. Моимъ сосѣдомъ по койкѣ былъ еще совсѣмъ молодой солдатъ. Онъ тоже не спалъ и мы разговорились. Онъ былъ круглый сирота. Звали его — Михаилъ Рудой. Во время эвакуаціи изъ западной губерніи

онъ оставилъ дома умирающаго отца-старика, а по дорогѣ у него умерла старуха-мать. Юноша остался одинъ и съ нѣсколькими рублями какъ-то добрался до Симферополя, гдѣ надѣялся найти своего дядю, котораго никогда не видалъ и даже не зналъ — живъ ли онъ. Дяди онъ не нашелъ и, почти умирая отъ голода и истощенія, пошелъ въ добровольцы. Вся его мечта была сдать экзаменъ за 4 класса и поступить въ школу прапорщиковъ. Выше этого счастья онъ себѣ не представлялъ. Ротный командиръ принялъ въ немъ участіе и позволялъ ему иногда не ходить на ротныя занятія, а готовиться къ экзамену, и даже снабдилъ его нѣкоторыми книгами. Онъ былъ въ ротѣ уже три мѣсяца. Уже дважды при немъ роты отправлялись на фронтъ, но его жалѣли. Послѣ, сойдясь съ нимъ поближе, я сталъ охотно помогать ему въ его занятіяхъ и этимъ, конечно, заслужилъ у него вѣчную благодарность.

Онъ такъ же, какъ и другіе, очень удивился, что, имѣя право пойти въ военное училище, я поступилъ простымъ солдатомъ.

„Зачѣмъ же вы это сдѣлали?“ допрашивалъ онъ меня.

Я, какъ могъ, объяснилъ ему свои переживанія.

„Ну, а если васъ убьютъ?“ наивно спрашивалъ онъ меня.

„Что жъ дѣлать!“ могъ только отвѣтить я.

Но онъ былъ убѣжденъ, что въ моей жизни были какія-либо особыя драматическія причины, заставившія меня искать своей смерти. Стараясь разубѣдить его въ этомъ, я привелъ ему другую, болѣе понятную причину: „Я занимаюсь литературой . . . пишу . . . вотъ и хочу все видѣть своими глазами, пережить, перечувствовать самому всѣ ужасы войны, чтобы потомъ описать . . .“ Но къ этому онъ тоже отнесся съ недоверіемъ.

Тѣмъ не менѣе мы съ нимъ въ послѣдствіи очень сошлись и часто бесѣдовали на разныя темы. Онъ, видимо, полюбилъ меня, что мнѣ было очень пріятно, такъ какъ я самъ къ нему искренно привязался. Я очень скоро освоился со своимъ положеніемъ рядового солдата. Я болѣе или менѣе сошелся со всеми солдатами своей роты. Многимъ изъ нихъ мнѣ приходилось давать разные юридическіе совѣты по ихъ спорнымъ земельнымъ или наслѣдственнымъ вопросамъ, многимъ я составлялъ прошенія, завѣщанія и писалъ письма, а съ нѣкоторыми по просьбѣ взводнаго даже занимался „словесностью“, которая плохо имъ давалась. Этимъ, конечно, до извѣстной степени объяснялось и особо хорошее отношеніе ко мнѣ роты. Много было тяжелаго, скучнаго, но въ общемъ отъ пребыванія въ ротѣ у меня осталось отрадное впечатлѣніе. Повторяю, что мои представленія о военной службѣ были гораздо хуже дѣйствительности. До поступленія на военную службу я очень часто слышалъ объ ужасной постановкѣ у насъ въ Россіи военнаго дѣла. Много говорили объ излишней суровости начальниковъ, о пресловутой словесности, которой окончательно забиваютъ головы солдатъ, заставляя ихъ зубрить безъ смысла китайскую грамоту, о всякаго рода издѣвательствахъ надъ личностью, о мордобитіяхъ и пр. и пр. Къ чести нашей арміи (конечно бывшей) могу сказать положительно, что ничего подобнаго я не видѣлъ.* Правда, старый кадровый солдатъ, нашъ фельдфебель, прослужившій два или три срока, говорилъ мнѣ, что въ мирное время было куда какъ тяжело, что теперь людей „жалятютъ“.

* Если такіе случаи, какъ „мордобитіе“ вообще и были, то, конечно, это были только исключенія, а не общее правило, какъ обязательный методъ воспитанія солдатъ, и всегда оставались позорнымъ поступкомъ на совѣсти отдѣльных пзверговъ, не понимающихъ своего долга и служебной чести. Напротивъ, я во